

Эллина НАУМОВА

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

ИГРА В ИГРУ

Элина Римовна Наумова

Игра в игру

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4578434

Элина Наумова. Игра в игру: Центрполиграф; Москва; 2012

ISBN 978-5-227-03846-3

Аннотация

Елена Калистратова, успешная деловая леди, чувствовала в своем любовнике Эдуарде Шелковникове тень охлаждения. Вроде бы случайно, вскользь Эдуард обмолвился о встрече с бывшей женой Лизой и с симпатией отметил то, как хорошо она выглядит и уверенно держится... И опыт ведения бизнеса, и хотя и не длинный, но разнообразный жизненный опыт научили Елену обращать внимание даже на самые мелкие детали и ничего не пускать на самотек...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Эллина Наумова

Игра в игру

Никаких намеков, совпадения случайны.

Глава 1

Мерзавцы, подонки, нелюди. Весь мир – алчные, равнодушные эгоисты. Выпросить, стянуть, отнять что угодно – чужие деньги, время, надежды, жизнь... И ведь не нарочно, просто им кажется, что самим нужнее, что они достойнее тебя. Сволочи. Ненавижу. И обездоленные не лучше. Их только жалче. Но дашь палец, руку откусят. Вот уж не знала, что покаяние бездонно, что это пропасть, в которую валишься, валишься, валишься... Вокруг все теснее и непрогляднее, но конец падения не предусмотрен. Только месть выбрасывает тебя наверх, к остальным дряням. И ты можешь не добиваться, но устанавливать справедливость. Я больше не буду падать. Я устала винить в своих муках саму себя. Не только раскаяние, но все, все, все безгранично. Я отомщу. И тогда посмотрим, кто в чем и перед кем виноват...

Из дневника Веры Вересковой

Зазвенел будильник. Не проснувшаяся толком Елена Ка-

листратова открыла глаза и с любопытством вгляделась в циферблат – который час? А, восемь, ну разумеется, восемь.

Левая половина кровати пустовала, но знаки состоявшегося ночлега – вмятина на тугой подушке, художественно бугрящееся одеяло – радовали женский глаз. Она хронически стелила белоснежное постельное белье. Некоторые мужчины, увидев его, очень долго мылись в душе, прежде чем лечь. И все равно простыня на месте их не всегда заслуженного отдыха казалась сероватой. Зато нынешний ее любовник, Эдуард, принимал ванну не до, а после близости, если являлся измотанный, вообще не принимал и валился в блистающую крахмальную чистоту без опаски. И в первое же утро, оглядев лишь слегка примявшееся, но оставшееся свежим ложе, с брезгливой гримасой сказал Елене: «Надеюсь, это меняют не реже трех раз в неделю?» Ее домработница с тех пор получала доплату за ежедневную стирку и глажку.

Эдуард изумлял Елену способностью неизменно пробуждаться в шесть утра, даже если заснул в пять, без навязчивой помощи звуковых сигналов извне. Все было в нем самом, включая будильник. А вот Елена начала слышать механический зов всего пару лет назад. Раньше кто-нибудь должен был ее долго расталкивать. Не самых близких она напутствовала с вечера: «Главное, не сдавайся. В крайнем случае обливай водой, только не кипятком». Близкие, честно говоря, сразу хватались за чайник, хоть и уверяли потом, будто полчаса орали ей в ухо призывы восстать. Не лили, конечно,

брызгали, но и после этого много хорошо забытого старого о себе узнавали. Когда никто не соглашался остаться у нее ночевать, а утром ей предстояло явиться куда-нибудь к сроку, находился мученик, согласный звонить ей по телефону и не класть трубку до сонного: «Ага, встаю, умоляю, не отключайся, сейчас доплечусь до кухни, вот кофе, с вечера наварила, гадкий, холодный, брр, но теперь в постель не вернусь, ура, спасибо, пока». Самое ужасное было в том, что она возвращалась. Дурацкая игра – лечь на секундочку, прикрыть глаза, потом распахнуть их, будто только что проснулась, и утро покажется добрым, нет, добровольно начатым. Часто во второй раз ее будили звонки тех, с кем пора было бы уже заканчивать совещания. Но это казалось уже терпимым. Вот когда в юности Елене приходилось ездить на работу к семи утра, она совсем не ложилась. Принимала ванну, накручивала волосы на бигуди, красила ресницы тушью, усаживалась в кресло и сочиняла стихотворения вроде

Я копаю во сне бесконечную эту траншею,
И не вырыть ее, и копать не могу перестать.
Мне дышать тяжело, мне веревка врежется в шею,
И мой утренний вид испытанью удушьем под стать.
Я прошу, я молю милосердного доброго Бога
Прекратить сей кошмар, ниспослать мне хотя бы
другой.
И однажды шепнет Он душе моей тихо и строго:
«Дура, это не Я, просто ворот пижамы тугой».

Ясно, что любой расстался бы с бессонницей, только бы не читать подобного, снимая бигуди. Елена Калистратова предпочла уволиться с ранней работы.

Теперь она была главным редактором глянцевого журнала и владелицей модельного агентства. Последнее не афишировала, но смело использовала. Пока хозяин печатного органа благоволил, ее даже враги числили в умницах и умильницах. Жизненное кредо у Елены Калистратовой выработалось спорное и мрачное. Красота не спасет мир, потому что именно к ней он особенно жесток. Она не первый год занималась модой и элитной рекламой, ее легко понять и трудно, но можно простить.

У нее были негласные семейные традиции, о которых только немые не болтали. Когда-то ее маму распределили в ведомственную поликлинику – брали отличников рабоче-крестьянского происхождения, а через год от них избавлялись. Чтобы не уволили, мама без затей начала спать с начальником рангом повыше непосредственного собственного. И через пару лет была самым молодым главврачом в городе. Дочь думала, времена постельного карьеризма ушли вместе с социализмом. Но изменились только названия мужских руководящих должностей, а не отработанная схема поиска верных сотрудниц. И вот она главный редактор. И вполне соответствует занимаемой должности. И мать соответствовала. А тетушка этой дорогой в системе МВД до высшей власти

дошла. Тут ведь главное, изменив мужу, ни в коем случае не изменять начальнику. А то понабрали личных помощников – то ли секретутки, то ли практикантки, но в любом случае дуры. Боевые подруги нужны измотанным, страдающим импотенцией мужикам, а не потенциальные жены. Но времена кое в чем изменились. Мать на намеки, краснея, отвечала: «Как вы смеете клеветать, поработали бы с мое». Тетка грохала по столу кулаком: «Нам ничего не дали, мы все заслужили». А Елена, не удостоив взглядом: «Пошел (пошла) на...»

Сын Елены учился в Германии на деньги отца и под его присмотром. Когда нынешний герр Ксенофонтофф оставил ее с ребенком, он был еще чем-то средним между товарищем и господином. Не смог отдать долг бандюгам, сбежал за границу, времени на развод не хватило. Ему повезло, всех его кредиторов перестреляли. Поэтому, обосновавшись в Мюнхене, он лет пятнадцать успокаивался, а подлечив безмятежностью нервную систему, выдумав себе прошлое и установив настоящую репутацию, сам разыскал жену. Дескать, давай разведемся официально, вдруг замуж соберешься и штамп в паспорте помешает. «О, ты стал европейцем: заботу о себе преподносишь как заботу о ближнем», – рассмеялась Елена. И согласилась при условии, что их семнадцатилетний сын переберется в Германию – еще неизвестно было, удастся ли ей «отмазать» парня от мытарств в несокрушимой и легендарной. С тех пор как Елена родила мальчика, несокруши-

мыми и легендарными в армии для нее были только неуставные отношения.

И еще у нее был, есть и всегда будет Эдуард – пятидесятилетний остроносый шатен с большими серыми глазами и маленьким ртом, который приятно удивлял крепкими ровными зубами с естественно-желтоватым оттенком эмали. Будет, потому что ей так хотелось.

Эдик уверен, что они впервые повстречались на автозаправке шесть месяцев назад. А Елена не говорит правды – тридцать один год назад, почти тридцать два. Страшно и пока еще весело подумать. Будто тебя щекочут, ты хохочешь, вырываешься и смутно догадываешься, что от этого можно умереть. Ей исполнилось семь. Она шла к подружке сквозь теплое июльское воскресенье. Только в детстве летняя улица бывает такой яркой и просторной. На высоком заборе, кажется не ограждавшем территорию детского сада от набегов, а призывавшем с удовольствием размяться перед ними, сидели мальчишки лет двенадцати. «Такие большие, – подумала Лена, – а будто воробы». И тут толстый загорелый «воробышек» громко чирикнул:

– Девочка, а девочка, сними трусы!

Она вспыхнула и молча ускорила шаг. И столкнулась с совсем уж взрослым юношей – десятиклассником из их двора.

– Девочка, ты бы хоть дураком его обозвала, прежде чем удирать, – засмеялся он.

Лене стало очень стыдно за орущего непристойности

мальчишку. Юношу она восприняла своим защитником. И на всю жизнь запомнила много-много неба, много-много солнца, его пышную каштановую челку, серые глаза и крупные, блестящие в улыбке зубы. Вскоре ее семья переехала на другой конец Москвы.

Почему Елена не заговаривала об этом с Эдуардом? Не хотела выглядеть пошлячкой, не отпускающей из головы то, что леди обязаны забывать? Избегала аналогий со снимаемыми им нынешними своими трусами? Боялась услышать в ответ, что он никогда и не приближался к району, в котором случилось то маленькое происшествие? Вряд ли она поверила бы ему, а не себе. Нет, Елена всего лишь не желала, чтобы Эдуард возгордился. Шутка ли, он, походя, со смешком, призвал ее к сопротивлению в мире, где феминистки добились сногшибательного результата. А именно: изъяли убежденность в превосходстве мужского пола из мужского сознания. Пребывающий в своем уме человек не мог ее сохранить, наблюдая женские ратные и трудовые подвиги. Донорство спермы и клонирование завершило процесс. Но убежденность скрылась в подсознании добытчиков и защитников – самом надежном хранилище, в котором ничего не изменяется, зато срабатывает против покусившихся автоматически и очень жестко. Там нет ограничителей морали и даже здравого смысла: чем глубже, тем проще и скучнее. Елена полагала, что Эдуард невольно предупредил ее о людской беспощадности, значит, наполовину спас. Целиком собственное

спасение от человечества она не потянула бы.

Что еще она о нем узнала? В семь утра Эдуард Павлович Шелковников отъезжал в «порше» от своего или ее подъезда, чтобы не париться лишнего в пробках. И уже минут через тридцать входил в офис дизайнерского центра, где творчески генерально директорствовал. Как большинство людей, он был не верующим, а суеверным. И в итоге превратил свои чуть ли не рассветные бдения в кабинете в ритуал по задабриванию удачи. Бог благословлял его тех, кто успевал занять места за рабочими компьютерами первыми. Остальным надлежало довольствоваться надеждой на то, что завтра они точно не проспят Его приемных часов. По результатам надо признать, что разумное зерно в бреде Эдуарда наличествовало.

Наверное, в Москве немногие умели так обставить бочку конторы, чтобы сельди не выглядели в ней слишком утрамбованными, чтобы создавалось впечатление, будто в рассоле офисной тоски они если не плавать, то хоть плавниками шевелить могут. В одной фирме хозяин засадил менеджеров в помещение без окон, здраво рассудив, что вид из них с двадцатого этажа ничего, кроме мыслей о самоубийстве, не сулит. Но Эдуард уговорил его потратиться на декорации таких и надежную подсветку. Конторщики отблагодарили работодателя скачком производительности труда. Тот прозвал дизайнера Шелковникова кудесником. А Эдуард еще долго вздыхал по поводу того, как мало нужно для счастья. Кому?

Ему самому, дельцу или менеджеру низшего звена? Он не знал. И знать не желал. Тут главным было вздохнуть.

Шелковников был коротко женат и без проблем разведен трижды. Человек этот легко зарабатывал на себя и являлся воплощением принципа: «Я не настолько богат, чтобы покупать дешевые вещи». И одиночества он не выносил. Но стоило появиться семье, стоило ему услышать, что жена называет его деньги общими, как Эдуарду начинало казаться, будто его эксплуатируют, обирают и тратят кровные на ерунду. Он психологически не мог кого-то содержать годами, разовая благотворительность была его стихией. Он не был жадным. Но его неимоверно раздражала обязанность выдавать определенную сумму в определенный срок. А если не наскребет по сусекам, не уложится? В глубине души он полагал, что любовь, в муках родившая корысть, гибнет. Но жены не знали, что просят деньги на нехитрое хозяйство из корысти.

После расставания с ним его женам почему-то начинало бешено везти. Лиза, отравившая семейную жизнь безалаберным и упрямым писанием романов «в стол», за неделю нашла издателя. Валю через месяц повел под венец новоиспеченный миллиардер. Юля, вот уж чудо, запела приятным голосом, почти не фальшивя, и храбро полезла на сцену по головам неопытных музыкальных продюсеров. Сейчас его единственной дочери от первого брака было девятнадцать. Она современно дружила с отцом, ни в чем его не виня и изредка обдирая как липку. Поскольку изредка, он не роптал.

Эдуард успел лишь раз напугать Елену. Услышал по телевизору стихотворение об отказе ребенка бросить валяться на полу мишку с оторванной лапой, разрыдался и воскликнул: «Леночка, это гениально! Это – про отношение каждого человека к самому себе. Чем больше судьба искалечила, тем себя жалче». Он был сильно пьян, поэтому Елена простила его.

Вот, пожалуй, и все смутно интересное о нем. Про Елену он знал не больше. Они не обсуждали раздельное прошлое, зная, что, как ни объясняй свои слова и поступки, мнения исповедника о них не изменишь. Каждый ощущал себя вечно развивающейся личностью и соглашался являться для другого сиюминутной данностью. Эти «завитушки», как обычно, украшали аккуратный простой каркас – зрелые мужчина и женщина не хотели сильных житейских эмоций, им рабочих хватало. Оба так боялись нарваться на оскорбление случайно – ибо плохо представляли себе, с кем связались, – что вели себя в присутствии друг друга безукоризненно. И представления не имели, надолго ли их хватит.

* * *

Все же без мелких недоразумений даже такие облегченные отношения не обходились. Наслаждение утренней расслабленностью в кровати начало вытаивать из Елены, как полагается, сверху. Руки и ноги еще не напряглись, а голова уже раздражающе полнилась любовником.

Недавно Эдуард рассказал Елене, как ненароком встре-

тился в кафе с Лизой, своей первой женой. Той самой, которая после развода не сочинительствовала на досуге, но ограждала редкий свой досуг от сочинительства. Выпили кофе, поболтали. Она стала гораздо приятнее в общении и выглядела замечательно. Нет, Эдуард не пытался возбудить в любовнице ревность. Он простодушно не скрывал обуявшего его за пластиковым столиком настроения: был готов устремиться за скоро попрощавшейся с ним занятой Лизой, то есть рвался назад, в прошлое. Елена умело растолковала себе, что Эдуард Павлович вступили в переходный возраст, который чувствительно бьет человека по башке каждое десятилетие. И желали пробиться не к ее ровеснице, но к себе – неискушенному беззаботному Эдику. А если нет? Тогда Елене надо привезти любовника на автозаправку, где, по его мнению, они познакомились, высадить из машины и газануть не помахав напоследок.

Она почувствовала, что больше не улежит. Встала перед зеркалом голая – еще не бравлада, но уже и не самолюбование. Рост – метр семьдесят два. Темно-русые волосы, ни одного седого. Красила их единожды в девятом классе и никогда не узнавала себя в коротко стриженной платиновой блондинке на фотографиях. Лицо... Для России так себе, для заграницы – красавица писаная. Фигура... Не то слово при весе пятьдесят семь килограммов. Тело... Елена хорошо запомнила давний ответ «армянского радио» на вопрос: «Стоит ли худеть женщине после тридцати?» «Пусть худеет и зна-

ет, что между стройной газелью и тощей коровой есть разница». Ей было двадцать, она не поняла, но выражение понравилось хлесткостью. Так их, молодых перестарков. А когда смысл дошел, привела себя в форму скаковой лошади – явный мышечный корсет, рельефный и твердый. И отсутствие слез по утраченному навсегда девичьему сантиметру жира, обеспечивающему плавность линий.

Потекло незатейливое, буднее утро обеспеченной деловой женщины – душ, стакан соевого молока, влезание в брюки, кофту, туфли, записка домработнице. Затем треп по мобильному телефону с приятелями – этакий кошачий ритуал. Мурки и Мурзики, встретившись с хозяевами после ночного отдыха, нуждаются в подтверждении, что их любят не меньше, чем вечером. Почесали за ушком, слово ласковое сказали, и кошка снова демонстративно независима и горда. Далее просмотр новостей и своей электронной почты в Интернете за рулем в пробке. Салон и дешевые комплименты дорогого стилиста. Порой Елена недоумевала, почему бы ей самостоятельно не взлохматиться феном и не подштукатуриться такой же косметикой дома. Но хозяин искренно священнодействовал над ней ритуальными принадлежностями – расческами и кисточками. Это неизменно заставляло Елену чуть серьезнее к себе отнестись и удерживаться в этом благотворном для руководителя состоянии целый день. После опять пробка или две, уже вполне начальственный лай в трубку на приближенных и резвый бег отягощенных коль-

цами пальцев по клавиатуре ноутбука. И наконец, главное – работа, которую все мешают делать, хоть и делают вид, будто в поте лица выполняют твои указания. И ответственность за результат, на который всем плевать. Она была на своем месте. В подчиненных ей отчетливо выделялись лишь гонор, гордыня, глупость, безвкусица, бездарность, безалаберность, неумение слушать, нежелание учиться, неспособность концентрироваться. Все остальное приходилось выискивать по крупицам каждый раз заново. Елену бесило, что люди говорят «ты», «тебе», а звучит это как «а вот я», «а мне». «Ваше» они произносят обиженно, «наше» – тоскливо, и только «мое» торжествующе. И ей надлежало ежедневно хоть ненадолго заставлять их становиться противоположностью самим себе и профессионально делать общее дело. Но это нормально. Большинство людей претендует на всеобщую любовь. У Елены же хватало ума становиться нужной. Собственным успехом она обеспечивала успехи других и не считала их своими должниками. И себя ничьей должницей не признавала.

Все нормально. Елена с треском захлопнула большую папку, оттолкнула ее к краю своего стола. «Опять не в вашем личном вкусе?» – меланхолично и насмешливо спросил главный художник журнала. Она посоветовала этому толстому сибариту размышлять об ужасах бомжевания, от коего при его лености и непонятливости зарекаться не следует, прежде чем браться за карандаш и приступать к эскизам.

Он вылетел из кабинета, побагровев до нужного ей оттенка. Только при таком уровне кровяного давления парень чего-то стоил как «творческий работник». Она выпила чашечку кофе. Ритмично подышала – издевка над йогой, но успокаивает. Набрала городской номер и действительно безмятежно сказала:

– Здравствуй, Игнат. Пляши. Я нашла час на нашу вылазку. Ты уже и мечтать перестал? Рано, мальчик. Ладно, созвонимся ближе к семи, корректируй свои планы.

Игнат Смирнов – сын ее близкой приятельницы Оксаны – был обаятельным симпатягой двадцати двух лет от роду. Учился на актерском, снимался во втором сериале. Первый благополучно провалился. Игнат утверждал, что причиной был «тупой кастинг». Вот дали бы ему главную роль, и получили бы заоблачно высокий рейтинг. Оксана всегда извинялась перед Еленой за такие речи отпрыска. Она была лингвистом и помимо английского и немецкого отлично владела русским языком. Так что не содержание, а форма заставляла ее испытывать неловкость.

Женщины познакомились в кризисную Еленину пору. Она только-только принялась редакторствовать. И все знакомые вдруг утратили интерес к любым темам, кроме ее новой должности. Они еще не прикинули, кому из нужных им людей начнут оказывать услуги руками Елены и какие именно, но уже с упоением и безостановочно разглагольствовали о том, что сами делали бы на ее месте. И только с Оксаной

можно было просто обсудить новый фильм, выставку, книгу. Они отдыхали друг с другом и от сотрудничества, и от соперничества. Но безмятежной дружбы даже в кино не бывает, разве что в детском. Взрослым она скучна, как аттракционы зимой по соседству с бильярдной.

Игнат был первокурсником и влюбился в Елену, стоило той зайти в гости. Оксана сочла мальчишеское увлечение естественным и ограничилась профилактической беседой с сыном. Дескать, она надеется, что он не опустится до приставаний к Елене. А подруге сказала: «Знаешь, он любит тебя благоговейно, поэтому вряд ли осмелится приблизиться». «Конфету тебе за наивность в твои далеко за сорок», – подумала Елена, тогдашний любовник которой был на пару лет моложе Игната. Но Смирнов ей нужен не был, и соблазнение его Елена сочла предательством Оксаны. «Мне еще вскрытых Оксанкиных вен не хватало», – бормотала она.

Игнат был рожден, чтобы постоянно искать свою музу, надеясь на удачу тем сильнее, чем чаще обманывался. В итоге влюбленность молодого человека созрела в редкий, но известный психиатрам фрукт: он сначала намекнул, а затем потребовал, чтобы Елена выбрала ему девушку. Обещал сразу же на ее избраннице жениться. Подруга дома нервно отнекивалась. Будущий кумир домохозяек зверел и хамил матери. «Почему ты тянешь время? – сердилась Оксана, впервые склонная в чем-то подозревать Елену. – Укажи ему на любую совершеннолетнюю миловидную отличницу в хороших

джинсах. По возможности медичку. Заодно и меня осчастливишь. Правда, Лена. Водку он не пьет, траву не курит, кокаин не нюхает. Но все пробовал. Что они первые полгода студенчества в общежитии творили, уму непостижимо. Саморазрушение насмерть. Но повезло, через сериалы начали отмывать деньги. Дети завязали, продолжают немногие. Теперь в их среде преуспевать модно, не иметь часа свободного от работы модно, но это пока не его уровень. Надо чем-то занять мальчика в преддверии славы. Пусть любит». «Она так желает кровиночке добра, что готова намыть ему кости, — думала Елена. — А ведь баба порядочная».

Но это мимолетное недовольство друг другом отношения не портило. Оксана решала, что Елена слишком ответственно подходит к навязываемой ей миссии, потому что и она и Игнат ей дороги, и умилялась. Елена вспоминала, как омерзительно глупеет, когда сталкивается с проблемами собственного сына, какую чушь несет, и успокаивалась. Тем временем Игнат классически худел, бледнел и заговаривался. И вот Елена Калистратова над ним сжалилась. Чувством юмора мальчик обделен не был, мечтал о комедийной роли, так что нервный срыв ему не грозил при любом раскладе.

В половине девятого вечера она посадила его в свою машину возле метро. Оксане об этой аванюре договорились не пробалтываться. Заказ на медичку и отличницу Елена выполнять не собиралась. Далеко не уехали — по центру в эту пору не покатаешься.

– Слушай, родственная душа, – частил Игнат, от восторга круживший вокруг быстро шагающей по тротуару Елены, – а почему мы так рано приступили к охоте? Ближе к полуночи было бы в самый раз.

– Ближе к полуночи все, что я могу тебе рекомендовать, уже спит, – заверила невольная сводница.

Артист не испугался пуританского сценария. Он знал: если Елене не удалось припарковаться в непосредственной близости от развлекательного заведения, она будет грешить суровостью, пока до него не доберется. Ему неведомо было, как чувствует себя женщина, выпившая утром соевого молока и хлебавшая весь день черный кофе без сахара и минералку без газа. Даже при жесткой диетической выучке и владении приемами аутотренинга Елена не могла быть спокойной и радостной в предвкушении трапезы, после которой голод лишь разгуляется напропалую. И перестанет донимать не раньше чем через час. То есть физически будет ощущаться, но уже как-то удастся и шутить, и смеяться. Обычно перед выходом из офиса в «нормальные люди» Елена съедала банан, умеренно исполненный калорий и естественных антидепрессантов. А тут закрутилась и не успела. Игнату Смирнову предстояло либо не замечать, либо терпеть ее раздражительность до какого-нибудь салата с оливковым маслом. Он был склонен не замечать, что Елена привычно ценила.

– Я думал, ты поведешь меня в Третьяковку к открытию.

Или в научную библиотеку к закрытию, – не унимался он.

– В бар, Игнат, в кафе, в маленький ресторан. Я должна видеть, жрет девица, ест или кушает. Профессия у меня такая – оценщица моделей.

– По зубам?

– По длине желудочно-кишечного тракта.

– Мерзость.

– Именно, именно. Еще раз споткнусь о тебя, поверну назад.

– Нет, только вперед, родственная душа. А чтобы определить эту самую длину, ты их на рентген посылаешь?

– Я сама рентген. Так, два шага направо. И води себя в общественном месте пристойно.

– М-м-м... Странное тут общество, – промямлил Игнат.

Елена мрачно усмехнулась и кивнула ему на столик возле окна, покрытый накрахмаленной, дурно отутюженной скатертью, впечатление от которой скрашивал трогательный одинокий цветок в стеклянной вазочке. Люди, которых ее спутник назвал странными, были всего лишь сорока-пятидесятилетними. Объяснять Игнату, что ей немедленно нужно перекусить, она не собиралась. Этот ресторанчик в полуподвале с год назад очень ее выручил: она нырнула сюда, спасаясь от знакомой. Ей ни с кем не хотелось общаться, а нахрапистая баба заметила ее на улице и бросилась в погоню, громко окликая. И Елена спряталась. Преследовательнице и самой не взбрело бы в голову толкнуть обычную дверь под

скромной вывеской, и о Елене она была неплохого мнения. Поэтому решила, что та провалилась сквозь землю. Или померещилась ей в сумерках. Тогда здесь тоже было тихо. И кормили вкусно – Елена рискнула сделать заказ, чтобы отдышаться.

– Родственная душа, ты издеваться намерена?

– Нет, Игнат. Я даю тебе возможность успокоиться и настроиться. Ты выступил с дикой инициативой. Я ее не поддерживала. И если уж решилась искать девочку, которая, на мой зоркий взгляд, тебе подойдет, требую серьезности. Запомни, я говорю: «Она» – и ухожу. Дальше сам. И поешь обязательно, чтобы силы не иссякли раньше времени. Обедать?

– Ты никогда моим питанием не интересовалась.

– И правильно делала. А вот девушке это вменится в обязанность.

– У меня вообще-то мама есть.

– Тебе нужна такая девушка, которая будет заманивать тебя в рестораны, чтобы себя показать. Таким образом, ты всегда будешь на виду и всегда сыт. Улавливаешь принцип?

Оба рассмеялись.

– Ладно, я и правда голодный. Но плачу...

– Я, – перебила Елена.

– Девушке и это придется делать? – грустно улыбнулся Игнат.

– Во всяком случае, она должна понимать, что такое ак-

тер. Так что тренируйся.

Тренировка показала, что Игнат Смирнов находится в отличной спортивной форме и готов бить рекорды.

Елена попросила счет. Юная официантка ловко пристроила его между мужчиной и женщиной, заученно отступила на три шага, отвернулась и уставилась в настенное зеркало, честно отражавшее, кто из посетителей сунет банкноты в лакированные черные корочки. Елена покосилась на Игната – заметил? Но тот сидел с блаженным выражением лица. Наверное, сойди любопытная девчонка с ума и выложи в голос, что думает о парне, за которого платит зрелая дама в их заведении, он и внимания не обратил бы. А еще мог в ответ воскликнуть: «Как я счастлив!» Еще не родился на свет артист, который не знает наверняка, что завтра прославится, а послезавтра накормит всех, кто его кормил, напоит всех, кто поил, оденет каждого и даст взаймы, не надеясь на отдачу, любому. Кроме того, смотреть, как любимая женщина достает из сумочки кошелек, медленно открывает, с гримаской легкого удивления заглядывает внутрь, тонкими пальцами вытягивает купюры, – это наслаждение. Редкое – когда и с какой стати ей при нем деньги доставать. Вот так посмотреть минуту, а потом вечно бредить этими руками, такими нежными и беззащитными, хоть пачку денег в них сожми, хоть кнут, хоть автомат.

Он рыдал ночами, вспоминая ее. Дал клятву матери не приставать и терпел. Вернее, боялся отказа. Если бы ее «нет»

излечило его от муки, он превратился бы в маньяка, бегал бы за ней повсюду, только бы слышать это слово. Он даже для сексуальной разрядки выбирал подружек, которые не были в него влюблены. И тени чувства не должно было витать над парной обнаженкой. В койку он отправлялся с девочками, мягко говоря, своеобразными. Одна, узнав о том, что он актер, с придыханием спросила об очень известном коллеге. «Ну да, час назад столкнулись в Останкино», – честно ляпнул Игнат. «Возьми меня, возьми!» – завопила она и повисла у него на шее. Он не отказался. И еще долго у него возникала эрекция, стоило представить, что она вытворяла бы на своем кумире.

– Игна-а-ат, – звала Елена, – Игна-а-ат.

Он встрепенулся.

– И часто ты впадаешь в прострацию после бифштекса?

– Убей меня, сделай милость, – хрипло и устало попросил он. Но тут же испугался, что она сейчас уйдет, и вскочил: – Я в норме, веди хоть в пекло.

– Ну, в бар с танцполом так в бар, – улыбнувшись, согласилась Елена.

* * *

Они мотались по городу уже часа два. Заходили в помещения, где играла музыка и развлекались люди. Елена обводила присутствующих равнодушным взглядом и говорила: «Здесь никого подходящего нет». Несколько раз Игнат умолял ее позволить ему выпить или хоть попрыгать в толпе, но

она не разрешала.

Актер впервые ощутил свою любовь как груз, взваленный на плечи и надавивший до робкого еще желания сбросить его. Но не при таком же скоплении народа. Люди представлялись ему свидетелями. Почему-то хотелось темноты, одиночества и тишины, как нервнобольному или преступнику. Он испугался, но не себя, а за себя. Такая отстраненность предшествует трансу. И вдруг Елена, будто почувствовав его состояние, резко остановилась. Они забрели в небольшое кафе, где скудное освещение возмещало отсутствие музыки.

– Устал? – ласково спросила неутомимая вожатая. – Ничего, умные мужчины свою единственную годами ищут. Мы же с тобой за несколько часов справились. Получай свою избранницу. Вон девочка стоит у стенки в черном платье с жемчугами на шее. Поверь, она та, которая тебе нужна. Жизненно необходима. Очнись, Игнат.

Измотанный парень взглянул и обиделся. Не учись он с красавицами, его еще могли бы привлечь большие серые глаза девушки. Но остальное! Пока они с Еленой шлялись, он заметил девиц пять, которые ему по-настоящему понравились. Эта же могла быть только мстью оскорбленной его просьбой женщины. Странно, что в ее лице все было очень правильным – лоб, нос, губы. Впечатление портил овал лица. Тем, что не был овалом. Острый подбородок, широкие скулы. Только пышные рыжеватые волосы и длинные стройные ноги примиряли Игната с неожиданным выбором Елены. Да

и то такого добра он насмотрелся на съемочных площадках и кастингах.

Сыграть радость или облегчение у него не получилось. Внимательно взглядевшись в его кислую физиономию, Елена напонила:

– Обещал жениться на любой.

– За что ты меня так? – вырвалось у Игната. – Намекаешь на то, что я обратился к любимой женщине с неприличной просьбой? Так от отчаяния же! Я думал, ты найдешь девчонку, похожую на тебя.

– А она очень похожа. Откуда тебе знать, какой я была в ее возрасте?

Сопротивление мальчика почему-то не вызывало у Елены раздражения. Но в голосе уже позванивал начальственный металл.

– Знаешь, родственная душа, если ты хочешь доказать моей любви к тебе, я пойду знакомиться.

– Я хочу тебе счастья, – мягко сказала Елена.

Она потрясающе легко меняла тон. И выражение лица. Мимика была не просто живой, но какой-то бешеной. При этом не создавалось впечатления, будто женщина гримасничает. Нет, речь и сиюминутная маска гармонировали. Поэтому, когда «редакторское» лицо сменилось нежным, явно означавшим: «Мы не сможем быть вместе, я не из тех, кого тянет на мальчишек, но все сделаю для твоего блага», Игнат решил.

– Ты меня поддержишь, родственная душа?

– В качестве кого? – вlepила душа в его упрямый лоб.

– А вдруг она замужем? – В голосе Игната заплескалась последняя надежда.

– Нет. Хороша бы я была, направив тебя после стольких поисков к замужней даме.

Игнат посмотрел на Елену с обожанием и подумал: «Точно, ведьма». И, будто подтверждая его мысль, она твердо произнесла:

– У вас все сложится. Она – твоя судьба. Благословляю.

Он развернулся и поплелся к девушке, которая и не подозревала о разыгравшихся из-за нее страстях. Чем ближе подходил, тем сильнее удивлялся: оказалось, вблизи замечаешь только глаза, нос и рот. А с этим у незнакомки проблем не было. Игнат оглянулся. Елена исчезла.

Зато девушка смотрела на него с любопытством серыми глазами. Настроение у парня было отвратительное, но данное Елене обещание надо было выполнять. И он сказал только:

– Привет, я Игнат Смирнов. Артист. В обычном смысле слова. Двадцать два года. Холост. Давай познакомимся.

– Маша Шелковникова, девятнадцать лет, учусь в Медицинской академии.

«С ума сойти, и матери родственная душа угодила, та бредила медичкой в доме», – уныло вспомнил Игнат. И продолжил беседу:

– Ты здесь с кем?

– С подругами, – ответила Маша. – Они отлучились носы попудрить.

«Это конец, – подумал Игнат. – Родственная душа действительно не промахивается. А подружки, судя по тому, сколько мы препирались, пудрят носы коксом. Они плохие, эта хорошая. Как назло. Может, у нее друг есть? Чужой мужик – мой последний шанс».

– Маша, ты позволишь проводить тебя домой?

– Позволю, Игнат.

– То есть ты свободна? – настаивал несчастный парень.

– Свободна.

«Теперь расслабься и получай удовольствие», – посоветовал он себе. Но последовать совету не смог. До ее дома они почти не разговаривали. Следующее свидание Игнат назначал Маше таким голосом, что любая менее доверчивая сочла бы его приговором. Но Маша легко сказала: «С удовольствием». «Извращенка», – решил Игнат. Он заблуждался. О стеснительных молодых людях Маша знала лишь по рассказам мамы, которая признавалась, что ей самой с такими встречаться не приходилось. Поэтому и приняла его напряженность за это самое. Договорились увидеться через три дня.

Глава 2

Мои мама и отчим благодаря должностям могли доставать билеты на поезда и торты к праздникам «во времена всеобщего дефицита». И все друзья без конца обращались ко мне с просьбами о содействии. Надо признать, содействовали им крайне редко. Никогда в жизни я так не унижалась, моля о помощи другим людям. И ненавидела родителей. Да, тогда у меня были друзья. Толпа друзей. Я дарила все, что им нравилось, даже если это нравилось мне самой. И только тортами и билетами обеспечить не могла. А потом они перестали быть дефицитом, друзья быстро обзавелись всем своим и исчезли. А я очень хотела, чтобы со мной дружили просто так. Я верила, что они просто так.

Из дневника Веры Вересковой

Лиза Шелковникова, первая жена Эдуарда, оставила его фамилию, чтобы быть однофамилицей дочери Маши. Но все следующие дамы ловеласа Эдика полагали, что она надеется его вернуть. Последняя любовница Елена Калистратова была того же мнения.

Лиза – невысокая, светловолосая, большеглазая, хорошенькая, тощенькая, слегка угловатая, непоседливая. А дочку родила не в себя.

– Поздравляю, мамаша, у вас мальчик. Богатырь! – ска-

зала Лизе санитарка в роддоме. С минуту изумленно глядела на уложенное к кислородной трубочке тельце и виновато воскликнула: – Ой, да это же девочка!

За несколько секунд уверенности в рождении сына сквозь юную Лизу пронеслась сотня мыслей: «Эдик будет счастлив, он мечтал о мальчике, напьется, наверное, сегодня от радости, нет, а я как же? Я дочку хотела, я всю беременность ее моей маленькой девочкой называла...»

«Обратный ход» Лиза восприняла как восстановление справедливости, зато стало жалко мужа, и она разревелась.

– Да вы извините, мамочка, огромная-то она какая! Разве девчонки такими рождаются? Господи, миленькая, как же ты ее выносила? Она ж вполовину тебя самой!

– Кефир пила, – всхлипнула молодая мать.

– Да где ж это видано, чтобы от кефира... – уже почти плакала немолодая баба в перепачканном кровью халате, вероятно полагая, что молодуха от разочарования свихивается.

– Не обращайтесь внимания. Акушерка в консультации поклялась, что будет мальчик. Сорок лет стажа, говорила, ни разу не ошиблась.

– Так и наши, роддомовские, на тебя ставок не делали. Какой толк, если мужик должен был быть. Мы вашу сестру каждый день видим, насобачились без УЗИ. Иногда точнее работаем. А тут опростоволосились.

Гинекологический тотализатор позабавил Лизу, она перестала слезомойничать.

– Кефирчику хочется? – спросила работавшая с другой роженицей сестра.

– Нет. И никогда больше не захочу. Я только его девять месяцев пила по милости, нет, по садизму участкового. «Быстро вес растет, на диету...» А дочка просто большая была. А если бы я ребенка голодом уморила? Вон какая худющая.

– Они все худеют в родах, – осторожно сообщила сестра. И, как-то неуверенно взглянув на акушерку, подняла и прижала к груди двух младенцев: – Справа-то парень, тоже крупнее нормы мама раскормила. А твоя слева.

И тут до Лизы дошло все. Ее девочка была сантиметров на десять длиннее мальчика. Явно пошире в плечах. И спинку густо покрывали светлые волосы.

Эдуард однажды чуть не убил участкового педиатра, простодушно сказавшую:

– У вас девочка мальчикообразная.

– Ты сама мальчикообразная тетенька! Ты вообще не тетенька! – орал молодой отец.

Волоски на спинке через месяц сами собой исчезли. Машка давно превратилась в привлекательную девушку. То, что когда-то принимали едва ли не за уродство – большие голову, стопы, кисти рук, – оказалось всего лишь потенциалом роста. Дитя вымахало на метр восемьдесят. Причем немалую долю занимали ноги. И ни грамма лишнего веса – Лиза следила, сочувственно воя, отнимала пирожные. За мать и дочь

их никогда не принимали. За сестер тоже. Они привыкли к любопытным взглядам и недоуменно поднятым бровям.

В то отмытое дождиком и празднично высвеченное солнцем июньское утро дочка изводила маму болтовней об актере Игнате Смирнове, с которым вчера познакомилась в баре. Поскольку рассказывать толком было нечего, Машка брала числом повторений. Лиза больно прикусила язык, чтобы не сказать: «В твоём возрасте я уже тебя родила. Когда ты в по- доле, наконец, принесешь»? И уже таким языком рассказала про идеального отца. Мужу сообщили, что пятнадцатилетняя дочь рождает, он вздохнул и согласился: «В дом же, не из дома».

– Ты на что намекаешь? – удивилась Машка.

– Я – хорошая мать, имей в виду. И не боюсь твоих беременностей.

– Я знала, что ты меня любишь! – завопила Машка.

«Внуки отменяются», – поняла Лиза.

Тем не менее этот невозможный в девятнадцатом, а то и двадцатом веке диалог заставил влюбленную дочь замолчать и впасть в мечтательность.

Лиза Шелковникова наслаждалась тишиной.

* * *

Лиза была женщиной умной и сильной. И неизменно трезвой, после того как однажды, неумело нахлебавшись шампанского, орала дочери:

– Толстой, Достоевский, Чехов и даже Пушкин по срав-

нению со мной никто!

Вот уж наутро ехидная Машка, которую с детства учили завышать самооценку лишь чуть-чуть, порезвилась. Особенно ее интересовали взаимоотношения матери с Александром Сергеевичем. Но так как мания величия больше не обострялась, дочь милосердно объявила заболевание хроническим в стадии глубокой ремиссии. Она тогда готовилась поступать в Медицинскую академию и читала много лишнего.

Хотя отказать Лизе Шелковниковой в одаренности было нельзя. Во-первых, красный диплом Литературного института. Во-вторых, у нее был невероятный темперамент, выражавшийся в какой-то патологической, как у вечно недоедающих, двигательной активности. Но что-то пригвозждало ее к стулу месяца на три пару раз в год. Остальное время она бегала по чужим делам – кого-то куда-то устраивала, кого-то от чего-то спасала.

Доходило до курьезов. У нее обнаружилась аллергия на табак, хотя в юности она покуривала. Ее лечащий врач тогда много слов потратил, отвращая пациентку от вредной привычки. А стоило ей бросить, как на вечеринке она увидела своего доктора с зажженной сигаретой в руке. Хуже того – он затягивался! Мгновенно забыв о приличиях, а ведь ее неплохо и умело воспитывали, Лиза ринулась к несчастному отступнику. Фурии отдыхали на пляжах Средиземноморья. Она повторила все, что от него слышала о смертельной опасности никотина. Половина гостей позеленела, у гостей

начались обмороки. Она воззвала к его совести и чувству ответственности перед обществом. Эскулап кое-как отбилсЯ, мол, много вы, госпожа Шелковникова, святых лично знаете? Присутствующим за Лизу было неловко. Но она продолжала повторять свой рассказ в компаниях с бестактностью новообращенной фанатички.

И упряма была. После вечеринок ее хлебосольной подружки всегда оставалось много еды. И рачительная Лиза повадилась забирать «разные разности и вкусные вкусы» для Машки. Пока домработница хозяйки сурово ей не выговорила:

– Вы все можете купить. А у меня пьющий муж и пятеро детей.

Вот за то, что сама не подумала о бедных, Лизе было понастоящему стыдно.

– Бога не боится, ей же в кухне на целый полк остается, – разъярилась подруга. – Совсем уже не соображают, с кем разговаривают. Знаешь, еще у моей бабушки семья няньки кормилась: хозяева за дверь, вся орава в дверь и целый день лопают. И одежду портят, чтобы им отдали. Вечные проблемы с обслугой. Бери для Маши все лучшее, а эту «сиротку» я на место поставлю.

– Не надо. Следующая может оказаться гораздо хуже, – вздохнула Лиза. И навсегда прекратила угощения дочери за дружеский счет. А это надо уметь – прекращать навсегда.

После умеренно-скандального расставания с Эдуардом

Лизе Шелковниковой действительно повезло с издательством. Вместо бахвальства она скромно процитировала одну попадью: «На детей Господь всегда посылает». На Бога в смысле ращения Машки надежд и впрямь было больше, чем на Эдика.

В общем, ее романы начали издавать. Это было добротное женское чтиво на модные темы. Если Лиза и хотела большего, то молча испаряла желание с потом, бегая по чужим делам.

Нынешний день не предвещал ей ничего, кроме рутины, с чем писательница готова была смириться. Надо править рукопись – значит, надо. Но после неумолчного трепы Маши о каком-то Игнате Смирнове, который она слушала, в основном разглядывая в окно нарядное июньское небо, Лизу осенило. В прекрасном мире, созданном всем на радость, она жила неполноценно. У нее не должно оставаться свободного от положительных эмоций времени. Надо получать удовольствие каждый миг от всего, что послала судьба. А она месяцами унывает. Это было клеветой на себя, но, наверное, править рукопись все-таки не хотелось.

По своему обыкновению, приступила Лиза Шелковникова немедленно. Заварила очень полезный, по уверениям Маши, зеленый чай. Уселась в кресло. И попыталась получить удовольствие от восточного эликсира жизни. В свои тридцать восемь лет могла бы быть и менее доверчивой. Оказалось, что как ненавидела она этот растительный отвар, вкуса

и аромата которого ни разу не удосужилась уловить, так и ненавидит. Нет, минут через десять после чашки этого чая в ней начали бурлить силы. Их и так было с избытком, но все чудилось – мало для сворачивания гор и сплющивания троллейбусов голыми руками. Но радости, которой предстояло стать смыслом жизни, не было!

Рок, впрочем, не на ту нарвался. Испытав очередное бурное разочарование, Лиза не сдалась. Необходимо было просто занять активную позицию, перестать ждать милости от коварной жидкости и насильно извлечь из нее это самое удовольствие. Вон всему Китаю удастся. А чем Лиза ущербнее? Она заварила еще и начала повторный эксперимент. Вроде стало получаться. Но тут до нее дошло: это удовольствие от самой себя – такая нестигаемая, современная, следящая за здоровьем, зарабатывающая на элитный сорт этих мерзких листьев, ценимых во всем мире... «Елизавета, – строго обратилась она к себе, – просто не делай того, чего не любишь. А если приходится, не ищи там наслаждения. И с озарениями осторожней, ну их».

Лиза быстро вымыта посуду. Никогда раньше она не получала большего удовольствия от завтрака. То есть от его окончания. Крикнув дочери, что отправляется на обязательную утреннюю прогулку, писательница выбежала на улицу так быстро, будто за ней гнались с молотками все соседи по подъезду. Слов нет, многим часто хотелось. Шелковникова ведь не в состоянии была миновать случайно выпавшую из

чужого мусорного ведра бумажку. Сразу: уберите, подъезд – тоже наш дом. Молодняку за оставленные на подоконниках пивные бутылки влетало основательнее – тридцатиминутная лекция и посещение родителей. А за чужими хулиганами мат на стенках в лифтах свои добровольно смывали. Ибо, как поведет себя ненормальная писательница при виде рисунка или надписи, не всякий маньяк мог вообразить.

Маша Лизу не слышала. Она думала об Игнате Смирнове. Вернее, теперь о своих подругах. Умрут ведь от зависти. Вслух мечтают об олигархе, но глаза туманятся при упоминании любого молодого актера. Вдруг станет великим и богатым. Ох, мавр, то есть мать сделала свое дело – выслушала – и может идти на все четыре стороны. Маша впервые в жизни так нуждалась в одиночестве. Ее даже заискивающее тиканье мирных настенных часов раздражало. Они всегда так тикают, когда никуда не опаздываешь. Девушка вынесла их в соседнюю комнату, завернула в плед, закрыта подушкой. Она была не из тех, кто попросту вышвырнул бы часы в окно: они могли убить случайного прохожего, и человека было жалко. Предметы – мелочь. Машка воду выключала, когда надраивала зубы пастой, – нехватка же пресной, один раз посмотришь репортаж из Африки, совсем мыться перестанешь, пусть уж пьют вволю, бедолаги. Естественно, душ и ванну она принимала каждый день, но принцип ясен.

Удивительно, но при вечной готовности сорваться с места

задолго до выстрела стартового пистолета Лиза Шелковникова не терпела в собственной жизни отсутствия традиций. И в чужих жизнях тоже. То есть терпела, но злилась очень. За ней невозможно было угнаться, но легко застать. В постели, душе, сауне, за чаем, за обедом, на прогулке – ежедневно в одно и то же время. При этом ей было наплевать, на чем спать, каким гелем пользоваться, что есть и по каким районам мотаться.

Машка, к примеру, рано наловчилась договариваться о «секретных» звонках, когда мать точно не могла ничего услышать, и визитах, когда не могла ничего увидеть. Поэтому велела Игнату Смирнову звонить ровно в десять утра. И только услышав в трубке его поставленный баритон, очнулась и поняла, что Лиза ушла дефилировать по окрестностям.

Связанный с едва знакомой, выбранной ему девушкой только вибрациями голосовых связок, молодой артист понял, что они ему очень нравятся на слух. Задорная искренняя девчонка, рада с ним общаться без кокетства и пошлости. Женский какой-то голос. Он такой тембр слышал у хороших актрис, независимо от возраста – будто они тебя по проводу насквозь видят и принимают, какое там, любят всяким. У Елены был похожий. Ох, добилась своего, ведьма. Вот он с девочкой болтает, а думает только о ней. Ему теперь ни на миг не расслабиться. Всегда будет ощущение подвига Елены ради. И все-таки голос Маши завораживал.

– Ты не психиатр? – насторожился Игнат. – Гипноз на расстоянии не практикуешь?

– Да у меня второй курс! Я только что анатомию сдала.

– Удачно?

– Пятерка. Я вообще отличница. Из школы ничего, кроме золотой медали, не вынесла.

– Страшный человек.

Посмеялись. Еще раз договорились о свидании. Трубку первой положила она. Игнат Смирнов не испытал ни сожаления, ни воодушевления. Маша же впала в бесчувственность, как в сугроб с торчащим на пути головы деревом.

Игнат снова раз мечтался о Елене Калистратовой. Вот выдержит все с этой Машкой, приползет на коленях и спросит: «Леночка, ты меня проверяла? Не нужна мне молодая, высокая, стройная, отличница. Только ты – злая, жестокая, прекрасная, даром отдавшая меня в рабство. Продала бы, я знал бы, что какой-то твой каприз выкупаю. Нет, все не так. Люблю. Хочу. Дождусь. Не пойду завтра с Машей. Но ведь ты расстроишься. Леночка-а-а...» Проревевшись, Игнат Смирнов умылся и отправился на съемку второго своего сериала.

Тем временем в кабинет к Эдуарду Шелковникову входила заказчица. И, случись Елене Калистратовой увидеть его восхищенное и мечтательное лицо, она, вероятно, сама отменила бы встречу Игната с Машей. И все получилось бы иначе. Но чего не видим, того для нас не существует. О чем только слышим, существует лишь наполовину. И так далее.

Лиза Шелковникова упруго двигалась по пересеченной местности. Это было чревато, потому что голова ее редко была занята ориентированием в пространстве. Люди творческих профессий много думают обо всем сразу и ни о чем от избытка свободного времени. Мысля, они функционируют, как станки. И не умеют себя выключать. Это всегда делает кто-то или что-то извне.

На сей раз Лиза рассуждала конкретно. Эдик явно возвращаться собирается. С такой болью вслед смотрел последний раз в кафе, что спина чесалась. Понять можно – обрюзг, устал, мотор нужен. Чтобы не хнычущим голосом спрашивали: «Милый, куда пойдём?» – и во всю ивановскую орал: «Чего разлегся? Встал быстро и... ну, хоть в зоопарк»: он очень любит живность. Плюс к тому Эдуард – хороший отец. Ребенка двухлетнего бросил, но отец хороший. Только как ему втолковать, что девочки, из-за которой он однажды набросился на педиатра, больше нет. Красотка почти двухметрового роста, которая неделю назад себе на кольцо даже мелочь у него из бумажника вытряхнула, – есть. А той нет. Внуков он чувствует, что ли? Так разве Лиза будет препятствовать контактам? Только поблагодарит. Но ей самой он не нужен... Бац! Это был незамеченный вовремя фонарный столб. Лиза на него не обиделась – столкнулись кстати. Ход размышлений особенно плавно меняет направление при соприкосновении лба с твердым предметом.

И писательница занялась дочерью. Неужели вот так взяла и встретила парня? И никто не знакомил? Чудеса. Сама рано начавшая Лиза уже беспокоилась за свою великовозрастную девственницу. Маша всегда только училась. Так спокойнее, но все ли у нее с ориентацией в порядке? Есть, в конце концов, зов природы, и акселераты нынешние его рано слышат, с какой бы стороны ни звучал. Лиза постоянно намекала Маше на «секс вовремя». На осторожные вопросы матери дочь безмятежно отвечала:

– Просто так трахаться мне некогда. Любви, когда обо всем забываешь, никак не случается. Молодые, которые лезут под юбку, все поголовно нищие. У таких брошенные дети – вместо визитной карточки. Мне это надо?

Лиза успокаивалась. Ничего страшного, просто умница растет. То есть выросла. И ее опять несло:

– Доченька, Машенька, знаешь, в чем твои проблемы? К тебе мужчины боятся приблизиться – смысла не видят. Тепло фотомодели, модная одежда и ну такое строгое, такое чисто-наивное личико. Нормальному мужику в голову не взбредет, будто ты можешь быть свободна. Ты уж води себя как-то пококетливее.

– Мам, ты такую байду даже в романах своих не пишешь. А мне считаешь возможным говорить! – зверела Машка.

– Капельку поигривее. – Лиза обидчивой не была. Сказала дочь, что чего-то такого отрицательного не пишет, – уже комплимент.

– А СПИД и гепатит? Вознесенский сказал, что любовь умерла, когда презерватив стал обязательным для Ромео и Джульетты. Или ты только с Пушкиным соревнуешься, а остальных пиитов для тебя не существует?

Лизе надоели напоминания о том старом пьяном скандале. Начни реагировать – со свету сживет родная же дочь. Поэтому она всегда усмехалась. Машка считала ее веселой и светлой, а у матери подолгу болела ранка на месте содранного с памяти струпа.

– Но необходимо разок замуж сходить и, если не понравится, вернуться. Брак, Машка, – это не штамп в паспорте, а ни с чем не сравнимое состояние души и тела. Как подводное плавание: словами не выразишь, а нырнуть необходимо.

– Зачем?! – уже орала Машка.

Взрывная Лиза хлопала дверью.

Опять же удивительно: греша нудноватостью своих текстов и обладая тяжелой склонностью к повторениям сказанного, Лиза не выносила чужих сказок про белых бычков. Темперамент навязывал действия. Однажды, уловив из слов приятельницы, что в ее лечении время – жизнь, Лиза даже просьбы не выслушала. Задействовав невероятные связи и оставшись должна кучу денег, перевела ту из хорошей больницы в прекрасную. И лишь через сутки выяснилось: женщина после долгой преамбулы всего лишь собиралась просить содействия, чтобы ее из первой, хорошей больницы на денек домой отпустили – внук родился...

Ширк... На сей раз боком о скамейку. Лиза Шелковникова неприязненно оглядела ее и села, как на пыточный агрегат. Как ни странно, ножи из него не повылезали, и бедняга чуть-чуть расслабилась. «Очень травматично сегодня гуляю. Пойду на бульвар», – решила она.

Глава 3

Я уже писала о чем-то подобном. Не страшно, повторюсь. Недавно заметила, что уже все ела, все носила, везде была, пусть и с помощью телевизора, все делала, обо всем говорила и думала. Так жутко стало: открыла дневник десятилетней давности, а там – те же слова о том же. Значит, нам только кажется, будто мы мыслим иначе. Смена обстоятельств нас морочит. Все одно – с рождения до смерти. Поэтому плевать. Мне ничего от людей не надо было – просто любить, просто дружить. Но они не умеют просто. Им «под это душевное дело» обязательно провернуть еще кучу дел к собственной осязаемой выгоде. Вот тогда они довольны, вот тогда их дружбы и любви полноценны. Взять, к примеру, любовь – самое бескорыстное чувство. И что? Будь любимый ребенком, будь взрослым человеком, он либо предмет гордости, либо раб. Любят только вложенные в него усилия: ночи, которые не доспали, куски, которые не доели, все, от чего ради него отказались, хотя он и не просил, и не требовал. Самая мерзкая корысть лживой жертвенности...

Из дневника Веры Вересковой

– Лиза? Вы ведь Лиза Синявская? – робко спросил за спиной будто очень простуженный женский голос.

Буркнув: «Теперь Шелковникова», Лиза обернулась, вы-

таращила глаза – элитный мопс обделался бы от зависти – и завопила:

– Скорую! Кто-нибудь, немедленно скорую! Верочка, Верунчик, потерпи чуточку, потерпи капельку, а?

При этом она вскочила и принялась трясти умирающую за плечи, чем действительно создавала угрозу ее жизни.

Женщина явно давно догоняла Лизу, поэтому сильно запыхалась и нуждалась в восстановлении дыхания. Реакция Шелковниковой испугала ее настолько, что едва не прекратила работу легких навсегда. Она вразнобой слабо взмахивала руками, молча широко разевала рот и как-то странно трясла головой.

В таком виде ее быстренько уложили бы на носилки даже на подозревающей всех в симуляции родине. На счастье женщины, Лиза впопыхах забыта дома сотовый. Прохожие же добросовестно шарахались от парочки – у одной были все признаки острого психоза, у другой, вероятно, птичьего гриппа.

Наконец женщина, с такими чудовищными последствиями догнавшая и окликнувшая писательницу, смогла произносить звуки:

– Все хо... Ли... Я поздоро... соби... Давно не виде... Изви...

– И это ты считаешь хорошо? Сдохнуть можно на улице, никто не подойдет! Здравствуй, конечно, Верочка. Сколько лет сколько зим. Но видок у тебя, прости великодушно... В

гроб не в гроб, а в стационар точно краше кладут. И долго-долго лечат. Ну, это я тебе устрою легко, не беспокойся.

Создалось впечатление, что незадачливая ее знакомая собралась задать стрекача.

– Куда? – рыкнула Лиза, ухватила ее за ветхий рукав кофточки и швырнула рядом с собой на скамейку. – Я по двадцать пять минут в день кручу педали велотренажера и не курю. От меня не убежишь.

– Да, да, ты прекрасно выглядишь, – жалко сказала несостоявшаяся беглянка.

– Ладно, рассказывай, как тебе удалось приобрести трупный вид.

– Э... Лиза, я собиралась пригласить тебя в гости. Тут близко. Дома и поболтаем.

Писательница беззастенчиво оглядела ее с ног до головы. Туфли стоптанные. Чулки винтом на тощих ногах-палочках. Юбка и блузка из тех, про которые в каком-то старом хорошем фильме сказали: «Неимущие на благотворительной раздаче их не взяли». Однако чистые и отутюженные. Волосы были прикрыты ажурной шапочкой, которые так любят старые дамы, только связанной из мохера. Вид головного убора вызывал содрогание.

– Прическу сегодня не делала, – уныло объяснила Вера. – Так идем?

«Интересно, там три волосины осталось на макушке или пять?» – почему-то сердито подумала Лиза. И согласилась:

– Идем. Только торт покупаю я.

– Лиза, и коньячку бы за встречу. Прости, я сейчас на мели.

– Понимаешь, я почти не пью. Может, вина?

– Я тоже не любительница спиртного. Но несолидно. Столько лет встретиться не доводилось.

И неопытная Лиза послушно стала опохмеляющей. Когда в недрах ее объемистой сумки исчезла бутылка, одноклассница нашла в себе мужество даже улыбаться время от времени. Но беседовать ей было не вмоготу.

– Все-таки надо к доктору, – беспокоилась Лиза.

– Дома отлежусь, – шептала бывшая подружка и клятвенно прижимала ко впалой груди нервно дрожавшие руки. – Грипп у меня.

– Ты уж, сделай милость, больше с температурой на улицу не вылезай, – нудила правильная Шелковникова.

– Ой, никогда больше, я сама так напугалась, – обещала Вера, но при этом вид имела задумчивый, словно прикидывала, не ввести ли подобные выходы в привычку.

Они не виделись с выпускного школьного вечера. Говорили, что Вера с лету поступила во ВГИК на актерский. И еще первокурсницей сыграла какую-то роль в кино. А дальше про Верескову Лиза ничего не слышала и нашего кино много-много лет не видела. После, кажется, единственного успеха Веры злые языки зачесались не на шутку. Даже в газетах писали, будто у нее неблагозвучная фамилия, вот она

и взяла безвкусный псевдоним Вера Верескова. Но так ее и звали на самом деле.

Пока поднимались на верхний этаж старой кирпичной пятиэтажки, Лиза вдруг вспомнила, что в школе сочетание Вера Верескова считалось девочками очень красивым. И они приставали к соученице: «Ты при замужестве фамилию будешь менять?» «Разве есть на свете актриса, желающая прославлять чужую фамилию?» – усмехалась Вера.

– Пришли, Лиз. Живу я скромно, не обессудь.

– Нашла в чем виниться, – фыркнула Шелковникова. – Где тут руки моют?

Хозяйка махнула вправо: теснота давала право объясняться жестами. Гостье жест показался то ли неторопливым, то ли досадливым. «Полагает, что планировка старых однушек знакома всем», – все еще ничего не разумела трезвенница Лиза. Но, перебегая по коридорчику в оказавшийся, кстати, чистеньким совмещенный санузел, увидела в зеркало, как одноклассница жадно опрокинула в себя обе полные рюмки коньяку, свою и гостыню, и сноровисто опять их наполнила. «Интересно, будет остатки заваркой разбавлять?» – автоматически загадала Лиза. И наконец, вспомнив шальное отрочество, все поняла.

Взгляд сразу стал наткаться на закатившийся под шкаф пустой пивной баллон, на притаившуюся за унитазом бутылку с парой глотков водки на дне и на не попавший в мусорное ведро окурков в обертке винной пробки. Лизу занесло к

очередной спившейся актрисе, и ей стало муторно. Она знала, что, захмелев, поведает ей Вера Верескова. Как ходила по вымершим коридорам еще недавно многолюдных киностудий, брезгливо отказывалась сниматься в рекламе, пока не перестали звать, как начала пить – сначала чтобы поверить в лучшее, потом чтобы выпасть из реальности на несколько дней. С последним она перестаралась, потому что спьяну послала очень далеко и слишком обидными словами продюсера одной из первых адаптации американского сериала. А он по старой дружбе хотел попробовать ее на главную роль. Ей еще несколько раз предлагали сниматься в «мысле», приглашали в театр, но она сразу начинала отмечать удачу, впадала в лютый запой и в итоге оставалась без ролей. Почти двадцать лет жизни актрисы минули. А теперь, когда снова можно было показываться, пробоваться, Веру забыли. Да и, если честно, ей не мешало подлечиться от алкоголизма, прежде чем пытаться начинать сначала. «Господи, сколько их таких! Сколько наших таких!» – грустно подумала Лиза. Опомнилась и крикнула на подходе к кухне:

– Вер, не вздумай курить, у меня аллергия на табак!

– Ладно, я на балконе буду, – откликнулась Вера чистым сильным голосом. Коньяк действовал.

Она проскочила мимо Шелковниковой тугим теннисным мячиком с незажженной сигаретой в руке. Лиза вернулась за стол и, поняв, что с коньяком в бутылке Верескова не химичила, решила, что с честным человеком можно хоть недол-

го поговорить. «Или оставить ей все деньги, какие есть в кошельке, и сбежать прямо сейчас, пока она курит? – подумала гостья. – Нет, не успею». На сей раз у Лизы хватило терпения выслушать Веру, прежде чем начать убеждать ее сдать наркологу.

Лиза правильно восстановила ход событий. Оказалось еще, что Вера, переживая безработицу, вышла замуж. То есть, по правде говоря, влюбилась и залетела еще во время первых и единственных своих съемок, так что училась с грудным ребенком, спасибо, родители выручали. Сначала положение рьяной домохозяйки и нежной матери прелестного сыночка ей даже нравилось. Но однажды она с ужасом сообразила, что, любя и мужа и сына, все-таки копит впечатления и ощущения от них для будущих ролей. Вот тогда она и повелась перед возвращением мужа с работы прикладываться к бутылке. Настроение улучшалось, завтрашний звонок от какого-нибудь режиссера становился очевидным, она была жизнерадостна и стойка – любо-дорого посмотреть на красавицу и послушать умницу. Разумеется, наступил день, когда она перебрала. И тогда ее дорогой с изумлением узнал, что ненавистным домоводством губит ее талант. Что он нищий мерзавец, паршивый отец и вообще все беды в мире – его не туда вставленных рук дело. Несколько раз удалось внушить ему, что на самом деле она так не думает, что это просто эмоциональный срыв не востребованной творческой личности, что все ее злые слова не к нему относятся, а к некоему

абстрактному злодею, портившему прекрасную судьбу прекрасной актрисы. Она клялась бросить пить, сделать ремонт и устроиться на работу хоть уборщицей.

Он быстро перестал ей верить. Орал: «Ты бездарность, тебя никто никогда не будет снимать, так что оторви жопу от стула и иди трудись, кормить и одевать больше не буду!» Потом начал ее бить. Впрочем, когда сам уставал от кошмаров ее похмелий, вызывал нарколога на дом. Мальчик, жалевший маму, искренно убежденный в несправедливом отношении к ней людей и отца и, главное, полагавший, что она действительно в состоянии отказаться от алкоголя в любой момент, как только чуть-чуть повезет, удрал из дома лет в пятнадцать. Он был необыкновенно талантливым программистом и, еще не получив по возрасту паспорт, уже получал немалые деньги в конверте. Муж бросил Веру, продал квартиру, купил сыну однокомнатную. Надо ли говорить, что бывшей жене впору было бомжевать. Но мальчик пустил ее жить к себе, хоть и не прописал, а сам снимал нечто более приличное. Сейчас он заочно учился на первом курсе университета, кажется вознамерившись заканчивать за год по два курса, был совладельцем фирмы, в которую устроился почти ребенком. Он платил за жилье матери, раз в неделю завозил продукты. Отец посоветовал ему пресечь любой контакт рук жалкой алкоголички с деньгами, и он было послушался. Но однажды увидел, как Вера просит милостыню в переходе. Представил себе, каково почти в сорок не

иметь даже копейки, пожалел и теперь ежемесячно выдавал небольшую сумму.

Лизу уже трясло от жалости и злости на женскую слабость.

– Вер, а ты не пробовала работать не актрисой? Чтобы хоть отвлечься? – спросила она.

– Пробовала. Устроилась в какую-то контору мыть полы. День послушала, о чем они разговаривают, два... Я убожество, конечно, но такая жизнь, как у них, мне даром не нужна. Потом в каком-то офисном центре гардеробщицей месяц продержалась. Но это невыносимо было: все казалось, что люди пришли на спектакль в театр, вот-вот третий звонок, а я... Пыталась несколько раз с собой покончить. Вообрази, дважды после немыслимо большой дозы снотворного просыпалась через сутки, и хоть бы хны. Знаешь, мне противно самоубийство. Столько выстрадать, столько вытерпеть, чтобы так кончить?

– Правильно! – обрадовалась Лиза. – А давай-ка вылечимся. Весь Голливуд знаком с твоей проблемой. Все наши так или иначе перестали доказывать, что могут пить не косяя. И многим удалось доказать, что могут совсем не пить. Да водка – ерунда по сравнению с наркотиками. Тебя обязательно будут снимать, какие наши годы. Решайся, выбирай клинику, я заплачу. Так охота сделать что-нибудь доброе.

– Лиза, спасибо тебе огромное. Я тут недавно вышла из штопора и вдруг четко поняла, что от меня скоро и сын откажется – запрет в психушку на веки вечные. И еще испугалась,

что стану калеккой – не выдерживает здоровье таких экспериментов. Тогда в каком-нибудь интернате окажусь. Пони-маешь, сейчас у него семьи нет. Но ведь будет. Кто такой матери не постесняется? Он уже как-то обмолвился: «Ты о внуках говоришь, а разве тебя нормальный человек к своим детям близко подпустит?» В общем, неделю назад он меня навещал, и мы договорились: я отправляюсь в больницу. Устала пить. Это очень тяжело, это пытка. Сама не верю, что когда-то рюмка доставляла мне удовольствие. Извини за то, что я коньяк выпросила. Мне уже завтра в лечебное учреждение месяца на три. Последний раз пью, чтобы грехи не вспоминать, чтобы поспать удалось немножко.

Взгляд был тусклым, голос покаянным, но Вера не плакала. Слезы лила, сама того не замечая, Лиза.

– Ну, твои грехи искуплены похмельным адом, – решительно «гнала позитив» она. – Значит, через три месяца уже можно будет связи с коллегами восстанавливать? Новые заводить? Здорово! Всего девяносто дней. Потом блеснешь в сериале...

– Ой, не надо про это, Лиза. Несколько лет назад на каком-то кинофестивале не нашли, кому бы вручить приз за лучшую женскую роль. Я стояла возле телевизора в этой, как ее, коленно-локтевой позе, билась лбом об пол и вопила: «Вот же я, что угодно сыграю, вот же я!» Но стоило встретить кого-то из знакомых киношников, как меня развозило с первой и единственной рюмки. Я себя не контролировала

и столько гадостей людям наговорила.

Теперь и у Веры по бледным щекам текли слезы. Она взяла свою полную рюмку, первую, после двух тайно выпитых, и минуту с тоской на нее смотрела. Вздохнула и опрокинула в перекошенный рот. По лицу было видно, как отвратительны ей вкус и запах коньяка. Но вышибить оптимизм и правдивость из Лизы Шелковниковой можно было только вместе с самым духом. И активная гостя снова зачастила:

– Когда мне повезло с издательством, я думала, что попала в рай. Между прочим, лет десять ждала удачу. Муж так мало зарабатывал, что пришлось обручальные кольца и все мое наследственное золотишко продать. Немного эйфория улеглась, вижу, не рай, в смысле отсутствия свободы творчества. Но все-таки работаю по специальности. Компьютера тогда по нищете нашей не существовало и в мечтах. И писала я на древней электрической машинке. Ленту к ней было уже не достать. Представляешь, печатаю, и перед глазами всегда белый лист. А текст на других листах, проложенных копиркой. Опечатки исправлять, слова заменять – проблема проблем.

– В любом виде творчества свои китайские пытки, – сочувственно пробормотала Вера.

– А как уродовали текст, сокращая! Причем меня в известность не ставили. Я им говорила: «Ладно, изложите главу десятью короткими предложениями. Но хоть грамотно». Ругалась, иногда кое-что отстоять удавалось. А однажды

правкой мне вообще обесмыслили роман. Я не выдержала и пошла к издателю. Высказала ему все, оставила диск – примеры – до и после. Он поклялся, что разберется, что больше такого не повторится. Клятвопреступник! Повторялось снова и снова. И как-то у меня в башке заискрило. Взяла маленькую бутылочку минералки, вошла к издателю, плеснула ему на руки и заорала: «Это – кислота! Чтобы помнили, что с людьми надо обращаться по-человечески». Он как заверещит, я сама испугалась. И опомнилась, разумеется. Кричу: «Извините, это вода!», лью себе из горлышка в глотку минералку. Через минуту последний громовой раскат прозвучал: «Вон!»

– А я пьяная и кислотой могла бы, – задумчиво сказала Вера. Истово перекрестилась и зашептала: – Лечиться, немедленно, пока чего-нибудь непоправимого не сделала.

– Ага, потерпи, заканчиваю, – решила дожать прямо-таки гордая вызванной повествованием реакцией Лиза. – Я справедливо полагала, что надо начинать поиски другого издательства. Как мне было стыдно, как мерзко! Издатель месяц ходил с перебинтованными руками и всем жаловался, будто я плеснула в него кислотой. Я божилась, что водой, но от меня шарахались и предлагали телефоны знакомых психиатров. Москва, как известно, городишко маленький. Через неделю стало ясно, что даже в крохотное издательство меня, столь опасную психопатку, не возьмут. Я к нему. Спросила: «Зачем вы так? Я действовала в состоянии аффекта, потому

что достали. Вы ведь даже испугаться не успели. И в здравом уме и твердой памяти без профессии оставили». Он: «Кто оставил? Я не разрываю с вами долговременный контракт. И на каждый роман буду подписывать еще отдельный. Но чтобы истерик ваших больше никто не слышал. Как и требований о повышении гонорара». Закабалил, словом. А сейчас мы подружился. Когда остаемся в его кабинете вдвоем, он говорит: «Здорово я предотвратил твой побег к конкурентам?» Так оно и есть: к хлебу и чаю у нас с дочкой кое-что добавилось, только когда я продала пару своих романов сериальщикам. Верочка, и тебя те, кто с тобой одной крови, простят. Сама знаешь, у нас не род занятий, у нас у всех диагнозы.

– Спасибо за все, Лиза, – тихо повторила Вера.

– Перестань, не за что. Давай обменяемся номерами телефонов. В какую клинику ты ложишься?

– Не знаю. Со мной давно никто ничего не обсуждает. Запиши свой номер. У меня нет телефона. Сын отключил. Я спяну звоню всем подряд – от жилконторы до приемной МВД – и матерюсь страшно. Но в больницу он, может, даст мне сотовый, я обязательно все тебе сообщу.

Лиза выполнила ее просьбу и сообразила, что пора убраться.

– Вер, не стесняйся. Денег оставить?

– Ни в коем случае. Надерусь, еще не примут завтра, сын не простит. Только одна просьба, Лиза. Поклянись, что не

будешь про меня писать. Не доверяй меня бумаге, людям, которые никогда меня не поймут.

– Клянусь ничего не писать про тебя, – сказала Лиза. И подумала: «Я про себя напишу».

Она не поняла, что имела в виду. Но, спустившись на улицу, обнаружила вернейший признак того, что действительно готова засесть за книгу, – потребность себя обругать. «Почему мы, люди, таковы? Почему я рассказала Вере о своей нищете, о белом листе перед глазами, о годах неудач? Ну, про кислоту сболтнула бы, и хватит, мол, и у непьющей крыша поедет, если допекут. Есть в этом что-то и от хвастовства, и от «чур, меня», неловко мне после такого. Но всегда одно и то же: человек плачется, меня несет доказать ему, что мне гораздо хуже было, а я выстояла». Она ощутила спокойствие и пошла домой.

Уже вернувшись, приняв душ и сварив себе чашку кофе, Лиза Шелковникова разгадала загадку собственной мысленной фразы: «Я про себя напишу». То, что не было времени и возможности проанализировать у Веры, засело в ней тем не менее крепко. Когда они с Эдуардом поженились, бабушка Лизы съехала с ее родителями и оставила внучке такую же однокомнатную хрущевку. Они с Машкой и выбрались-то из нее недавно, после того как повезло с экранизацией романов. И у Вересковой Лиза чувствовала себя так, будто вернулась в свою привычную нору. Та же сорокалетняя мебель, те же

продавленные и потертые диван и кресла, дешевая сантехника и безвозвратно разошедшийся по швам линолеум. Лиза сколько жила в таких условиях, столько и улучшала их по мере сил: обои регулярно переклеивала, отодрала задние стенки у пары узких шкафов, превратив их в стеллажи и установив поперек комнаты – прикрыла свою и дочкину кровати. И расписала белую люстру акварельными красками, намалевала какие-то цветочки на стене в туалете.

Вера Верескова занималась тем же. Правда, давно, но следы облагораживания нищей среды обитания все еще наличествовали.

И еще она увидела за стеклом серванта этакую табличку для медитации: в центре – красный круг, далее разноцветные окружности. В годы невезухи Лиза сделала себе нечто подобное. Только циркуля у нее не было, поэтому она линейкой квадраты вымеряла. И тоже в центре – красный, а потом ободки – зеленый, желтый, синий и черный. Красный символизировал Лизу со всеми потрохами, зеленый – Машку и все материнские обязанности, желтый – родителей, друзей и связанные с ними заботы, синий – всякие уборки и готовки, черный – все остальное. В любой ситуации Лиза смотрела на свой квадрат, определяла, насколько далеко она от алой сердцевины, и придумывала, как бы поскорее в ней очутиться. Кроме того, если получалось себя усмирить и минут десять пялиться строго в центр, возникало ощущение, что тебе больше ничего не нужно. Лиза решила, что у эгоизма должен

быть предел. «Родила дитя, изволь не прятаться от него», – выругала она себя и размыла границу между красным квадратом – собой и зеленым кантом – Машкой. Почему зеленым? Просто дочкин любимый цвет. Так вот, у Веры тоже была размыта граница между красным кругом и оранжевой окантовкой. Тоже был кто-то, с кем она соглашалась себя делить. Вернее всего, сын. Не коньяк же.

Ничего особенного в таких совпадениях не было. Про медитативные таблички обе наверняка читали, но забыли, когда и где. А создать в доме хоть один угол, в котором глаз может отдохнуть от убожества, стараются не только люди искусства. Но увиденное словно давало Лизе право рассказать историю Веры от своего имени. Вот не издавали бы ее книг до сих пор, что бы она делала? Вела рубрику «Женский клуб» в паршивой газетенке? Мыла полы и окна у чужих людей? Представлять, что спилась бы, было неприятно. Фантазерке в голову не пришло, что в серванте стоял обычный детский рисунок. Впрочем, вряд ли это что-нибудь изменило.

Лиза Шелковникова не верила в силу проклятий. Она-то знала, что такое слово и сколь мало оно значит, ибо обслуживает в основном быт. А как о высоком, так все невыразимо. Но в доброе заклятие романом эта странная женщина верила свято. Довести героя под любым именем, лишь бы подразумевался конкретный человек, до реального в его судьбе тупика, найти слабое место в глухой стенке, пробить выход, и все сбудется. Вере Вересковой надлежало познано-

миться в клинике с лечащимся там от алкоголизма режиссером. Или продюсером, тоже хороший современный вариант. Три месяца любви в наркологии! Девяносто дней исповедей и неуголимой страсти! А потом – совместное творчество. Слава, деньги – все им двоим, ничего для них не жалко! Лиза была совершенно бескорыстна. К писательнице, которая в больнице встретит наконец издателя, эти пожелания не относились. Ей светили вдохновение и гонорар. Главное, когда принимаешь к компьютеру, не допускать мысли о возможности другого финала. Это очень трудно – Лиза не была сумасшедшей и в реальности ориентировалась свободно. И не думать, что писали об этом миллионы раз. Обо всем уже писали. И будут писать. Надо только, чтобы всех, кто взял в руки книжку, пробрало, заставило желать настрадавшейся паре радости. Ну, не без исключений, конечно. Найдутся злопыхатели, которые сочтут, что герои сами виноваты в своих бедах и получают от автора не по заслугам. А многие на свете по ним получили? А разве сила трех четвертей правильных середняков не в тупости?

С этого момента Лиза находилась в состоянии полнейшей боевой готовности защищать свой очередной женский роман до последнего, из известных ей, матерного слова. Кто бы ни вздумал отпугивать приманиваемую к Верке Вересковой удачу. Она набрала номер издателя – забавная привилегия обращаться напрямую, добытая хулиганством.

Лиза представляла себе, кто сейчас возьмет трубку. Пятидесятилетний невысокий крепыш настолько убедительной славянской внешности, что его карие глаза все считали наследием татаро-монгольского ига. Особенно после того, как Лев Гумилев все всем про это объяснил. О маме-еврейке никто и не догадывался. Он получил юридическое образование, окончил аспирантуру по международному праву, успел защитить кандидатскую диссертацию и с легкой душой занялся издательским бизнесом. Тогда он был наивным запойным книгочеем: знал в совершенстве русский и английский, чуть хуже немецкий и французский, прочитал в оригинале всех великих, знаменитых и известных. И дельцом оказался хорошим – талантливо терял брезгливость. Человек этот понимал все на свете, кроме одного – как люди в двадцать первом веке смеют писать прозу. Но на авторское счастье, жизни на земле без литературы не представлял.

– Слушаю, – плеснуло Лизе в ухо знакомым жидким холодным баритоном.

– Привет. Хочу озвучить замысел. И побыстрее заключить договор, потому что опять колдую для несчастной женщины, надо, чтобы все было серьезно и взаправду.

Лиза взхлеб изложила способ вышибания клина пьянства клином любви.

– Шелковникова, умная, далеко не бездарная, так низко ты еще не падала! – отчаянно воскликнул он. – Сюжет затасканный.

Зачем тебе лохмотья? Напрягись, придумай что-нибудь.

– А если спасение – это любовь писательницы и издателя?

Такого, как ты, например?

– Уверь, уверь всех, кто еще не разучился читать, включая мою юную жену, что мы с тобой встретились в наркологической клинике и были любовниками. Цветаевское «В стихах все про себя» публикой воспринимается буквально. Лиза, я все понимаю. Ты сама не пьешь, тебе, вероятно, интересно. Ты со мной не спишь, тебе, возможно, смешно. Но тебе одной, учти. Даже я помню фразу из романа про удачно влюбившуюся алкоголичку вашей прародительницы Саган: «Пить она, конечно, не бросит, но напиваться больше не будет». Так Франсуаза, если верить желтой прессе, хоть доподлинно в теме. А ты? Про лимонад что-нибудь выдай, сделай одолжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.